РАННЯЯ ЛИРИКА ВИЛЬЯМА ХАЙНЕСЕНА

О. А. МАРКЕЛОВА

В данной публикации представлена в переводе на русский язык ранняя лирика фарерского поэта Вильяма Хайнесена (1900–1991), стихи из книг: «Арктические элегии и другие стихотворения» 1921, «Сенокос у моря» 1923, «Песни к весенней глубине» 1927, «Звезды пробуждаются» 1930. Состав основных мотивов мало изменяется от сборника к сборнику, однако с каждой новой книгой постепенно эволюционирует их трактовка. В первых двух поэтических сборниках Хайнесена универсум пустынен: в нем присутствует только предельно абстрактное поэтическое «я» и явления природы, однако постепенно в его лирике появляется социальное измерение. Хайнесен сознательно избрал языком своего творчества датский, и формальные и содержательные аспекты его ранней лирики отличаются от лирики поэтов, творивших в тот же период на фарерском языке.

Вильям Хайнесен (1900–1991) — одна из самых крупных и вместе с тем самых неоднозначных фигур в фарерской литературной жизни XX века. Он добился гораздо большей известности за пределами родины, чем другие фарерские авторы, так как сознательно выбрал языком своего творчества не фарерский, а датский; но отношение к его произведениям в фарерской литературной среде долгое время было скептическим, не в последнюю очередь как раз по вышеназванной причине¹. Творческая эволюция В. Хайнесена органично вписывается в литературный процесс Дании, но содержание его книг — описание Фарер времен его детства и юности. Для датских читателей зачастую именно книги В. Хайнесена формируют первичное представление о Фарерских островах и, возможно, создают положительные стереотипы о них.

Творческое наследие В. Хайнесена очень разнообразно: он писал стихи, романы и новеллы, а также создавал картины (от живописных полотен до политических карикатур)² и сочинял музыку. Однако нас будут в первую очередь интересовать его стихотворения.

Именно с поэзии начался творческий путь Хайнесена. В юности он, как и многие его соотечественники, приехал в Копенгаген и сразу «прижился» в датской литературной среде. В 1920–30-е гг. поэт издал несколько сборников стихов:

¹ Об отношении к творчеству В. Хайнесена на его родине см.: *Jógvan Isaksen. Færøsk litteratur. Introduktion og punktnedslag*. Vindrosen, 1993. S. 117–120; *Ann Ellefsen. William Heinesen i undervisningsøjemed // Tårnet midt i verden — en bog om William Heinesen / Vár í Ólavsstovu, Jan Kløvstad* (ed.). Tórshavn: Nord, 1994. S. 153–163.

² О Хайнесене-художнике см.: *Bárður Jákupsson. William Heinesen som billedkunstner // Tårnet midt i verden — en bog om William Heinesen...* S. 140–152.

«Arktiske Elegier og andre Digte» («Арктические элегии и другие стихотворения» 1921), «Højbjergning ved havet» («Сенокос у моря» 1923), «Sange mod Vaardybjet» («Песни к весенней глубине» 1927), «Stjernerne vaagner» («Звезды пробуждаются» 1930), «Den dunkle Sol» («Темное солнце» 1936). Затем до 1960-х годов он сосредоточился исключительно на прозе.

Культурную среду, в которую попал молодой Хайнесен, можно назвать радикальной в политическом отношении (своими духовными наставниками он называл поэтов-коммунистов Отто Гельстеда и Ханса Кирка), но не в художественном. Радикальных модернистских экспериментов, характерных для значительной части европейских поэтов начала XX века, в ранней лирике Хайнесена нет³. Большинство стихотворений в четырех первых сборниках Хайнесена имеет строфическую форму и рифмовку; количество белых стихов и верлибров в них мало. В «Сенокосе у моря» верлибры отсутствуют вовсе, а самым экспериментальным в формальном отношении, как ни странно, является самый первый сборник: он завершается стихотворением в прозе. Примеров такой формы в его поэтическом наследии насчитывается всего два.

Надо заметить, что первые поэтические опыты Хайнесена совпадают по времени с расцветом фарерскоязычной лирики, в том числе пейзажной. Но если у авторов 1920–30-х годов, пишущих на фарерском языке, родная природа постепенно перестает быть «облачением для настроения» (по выражению классика фарерской поэзии Й. Х. О. Джурхуса) и становится самоценной⁴, лирика Хайнесена того же периода представляет несколько иную картину. Как заметил У. Глин Джонс: «В раннем творчестве Хайнесена описания природы имеют тенденцию становиться проекциями душевного состояния»⁵. Пейзажи, описываемые в этих стихотворениях, без сомнения фарерские, но в данном случае нельзя говорить не только о создании фарерского национального колорита в стихотворении на датском языке, но даже о создании узнаваемых картин местности. Например, в «Senhøst» («Поздней осени») из «Арктических элегий» упоминаются «лохматые крыши»⁶ — без сомнения, обильно поросшие травой крыши традиционных фарерских построек; однако они являются лишь деталью мрачного осеннего пейзажа (за них закатываются «темные дни»).

В первых поэтических сборниках Хайнесена универсум пустынен: в нем присутствует только поэтическое «я» и явления природы. В некоторых случаях даже само поэтическое «я» (или поэтическое «мы») предельно абстрактно и не всегда принадлежит человеческому существу. Во втором сборнике — «Сенокосе у

³ Датский критик Торбен Брострем проводит сравнение одного и того же мотива у Т. С. Элиота и В. Хайнесена; причем речь идет о мотиве, имеющем евангельское происхождение (см.: *Torben Brostrøm. Himmel og hav. William Heinesens lyrik // Úthavsdagar. Oceaniske dage. Tórshavn, 2000. S. 25–26*). Как следует из этого сравнения, у В. Хайнесена полностью отсутствует характерный для европейского модернизма 1920–30-х годов скепсис и ощущение обреченности и абсурдности.

⁴ О. А. Маркелова. Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания. Пушкино, 2006. С. 182.

⁵ W. Glyn Jones. Towards Totality: The Poetry of William Heinesen // *World Literature Today. A Literary Quarterly of the University of Oklahoma*. 1988. Vol. 62. № 1. P. 79.

⁶ William Heinesen. Samlede digte. ROLV forlag, 1984. S. 18.

моря» — поэтическое «мы» — жильцы перевернутого мира смерти⁷ или «et fattigt Skyggetog i Stråleglansen» («В сиянии лучей — теней убогих строй»⁸). Человек настолько ничтожен перед мирозданием, что по большому счету нет разницы между живыми и призраками.

В ранней лирике Хайнесена состав основных мотивов мало изменяется от сборника к сборнику: это времена года, погодные явления, растения, светила, тьма и свет, земля, небо, время, мысль, жизнь и смерть. Однако с каждой новой книгой постепенно эволюционирует трактовка этих мотивов.

Тема увядания и смерти вообще часто присутствует в ранних стихах Хайнесена. Сам поэт в преклонном возрасте дал содержанию своих юношеских опытов такую аттестацию: «Задумчивый разум юноши, ищущий “смысл жизни”, часто цепляется за самые мрачные аспекты экзистенциальной проблематики»⁹. Однако то, что на первый взгляд выглядело как эстетизация смерти, на самом деле оказывается утверждением сугубо жизненных ценностей. Наиболее ярким примером здесь может служить стихотворение «Vinter-Drøm» («Зимняя греза»), перевод которого помещен ниже.

В «Арктических элегиях» и «Сенокосе у моря» универсум подчеркнута мрачный. Как уже упоминалось, в «Арктических элегиях» дни могут быть «темными» — и разумеется, здесь имеются в виду отнюдь не только полярные ночи в северной Атлантике. В «Сенокосе у моря» самый частотный цветовой эпитет — «серый»¹⁰. Однако в сборнике «Песни к весенней глубине» лейтмотивом является победа света и жизни над тьмой и смертью. Начиная с этой книги, в универсуме лирики Хайнесена становится заметным присутствие людей; это может быть просто упоминание толпы на улицах города, но и отдельно взятый человек может стать центральным образом в стихотворении, как, например, «Женщина в трауре под деревом»¹¹. Универсум обретает в этой книге не только космическое/философское, но и культурное измерение. Здесь присутствуют, пусть в незначительном количестве, отсылки к древнегреческим и древнескандинавским мифологическим реалиям: Фазтон, Аполлон, Нифльхейм, Звездный Ясень (явная отсылка к Иггдрасиллю скандинавских мифов). Мир не вписывается в парадигму каких-либо уже существующих мифологий; знакомые мифологические аллюзии — всего лишь «строительный материал» для индивидуальной мифологии Хайнесена, которая будет хорошо заметна в его позднем прозаическом творчестве и основные черты которой начинают складываться в ранней лирике.

В сборнике «Звезды пробуждаются» сохраняется связь универсума с социумом и с реалиями и деятелями мировой культуры. Кроме того, там манифестируется связь с современной поэту фарерскоязычной литературой: в эту книгу входят два перевода на датский язык стихотворений Кристиана Матраса: «Ве-

⁷ См.: *William Heinesen*. Op. cit. S. 76.

⁸ Ibid. S. 85.

⁹ Ibid. S. 151.

¹⁰ *Torben Brostrøm*. Himmel og hav. William Heinesens lyrik // *Úthavsdagar*. Oceaniske dage. Tórshavn, 2000. S. 28.

¹¹ Ibid. S. 109.

реница слепых» и «Утро»¹² — философские аллегории, последняя из которых по манере близка к собственным стихам Хайнесена: в ее основе лежит пейзаж.

После книги «Звезды пробуждаются» Хайнесен впервые пробует себя в роли прозаика: в 1934 году выходит его роман «Blæsende Gry» («Ветренный рассвет»), объемный текст в манере социального реализма, посвященный жизни фарерских рыбаков и единогласно оцененный всеми критиками и исследователями как неудачный (в 1961 году вышла вторая, существенно переработанная редакция этого романа). Следующий сборник стихов — «Темное солнце» (1936) — знаменует уже новый период в поэтическом творчестве Хайнесена, о котором необходимо говорить отдельно.

На протяжении многих десятилетий В. Хайнесен был единственным фарерским автором, чьи произведения переводились на русский язык. Ниже приводится полная библиография существующих переводов. Однако в поле зрения отечественных переводчиков попала лишь малая часть произведений этого автора, а многие старые переводы в наше время труднодоступны для читателя.

Большинство стихов, представленных здесь, публикуются в переводе на русский язык впервые. Помещенные здесь переводы стихотворений «Зимней ночью» и «Звездная ночь» ранее публиковались в приложении к журналу «Юность». Перевод выполнен по изданию: *William Heinesen. Samlede digte. ROLV forlag, 1984.*

Библиография переводов произведений В. Хайнесена на русский язык

- Башня на краю света / Пер. Т. Величко // Башня на краю света. Современная датская повесть / Составл. и предисл. И. Куприяновой. М.: Радуга, 1983.
- Бог-человек. Поэма / Пер. с дат. Е. Винокурова, предисл. Н. Крымовой // Иностранная литература. 1973. № 3.
- Весенняя песня больного эскимоса; Время ожидания / Пер. с дат. Ю. Вронский, Л. Горлина // Иностранная литература. 1964. № 6.
- Волшебный свет / Пер. С. А. Тарданова, Е. П. Тарасова; предисл. Н. Крымовой. М., 1961 (содержание: *Det fortryllede lys; Stormnatten; Gamaliels besættelse; Atalanta; Den vingede mørke; Det rygende speil; Sjælen*).
- Девушка рождает / Пер. С. Петрова // Современная датская новелла / Предисл. Х. Шерфига, послесл. А. Погодина. М.: Прогресс, 1971.
- Дом в тумане; Старый гость / Пер. с дат. О. Вронской // Современная датская новелла. М., 1987.
- Звезды — мои друзья / Пер. Евг. Долматовского; Мартину Андерсену Нексе в день его 80-летия / Пер. П. Железнова // Современная скандинавская поэзия. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.
- История о поэте Лине Пе и его ручном журавле (рассказ) / Пер. с дат. О. А. Маркеловой // Переводчик. Научно-художественный журнал. Чита: ЗабГУ, 2015. № 15. С. 105–115.
- Конкуренты / Пер. А. Эмзиной // Датские рассказы (пер. с датского). М.: Правда, 1957 (6-ка «Огонек»).

¹² Эти стихотворения были переведены нами на русский язык: О. А. Маркелова. Стихотворения Кристиана Матраса // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2016. № 3. С. 136, 138.

- Мухи (рассказ) / Пер. с дат. О. А. Маркеловой // Литературный альманах «Белый ворон». Екатеринбург — Нью-Йорк, 2013. С. 64–79.
- Ночная буря. Моя романтическая бабушка / Пер. Е. Суриц, И. Милехиной // Датская новелла XIX–XX вв. / Предисл. А. Погодина. Л., 1967.
- Стихи из книг «Гимны и песнь гнева» (1961) и «Пейзаж с радугой» (1972) / Пер. с дат. В. Вебера, Н. Булгаковой, Е. Винокурова, Е. Гулыга, Б. Ерхова, Е. Витковского, П. Мамонова // Из современной датской поэзии. М., 1983.
- Стихотворения Вильяма Хайнесена и Серена Ульрика Томсена / Пер. с дат. О. А. Маркеловой // «Юность-Плюс». 2003. № 1. С. 42–44 (В. Хайнесен: Конец мира; Зимней ночью; Звездная ночь).
- Стойкая Стена (рассказ) / Пер. с дат. О. А. Маркеловой // Переводчик. Научно-художественный журнал. Чита: ЗабГУ. 2013. № 13. С. 132–135.
- Черный котел. Пропавшие музыканты / Пер. Н. Крымовой, Т. Величко; предисл. И. Куприяновой. М.: Прогресс, 1974.

ВИЛЬЯМ ХАЙНЕСЕН

Из книги «Арктические элегии и другие стихотворения»
(*Arktiske Elegier og andre Digte*, 1921)

Что-то кончилось (Opbrud)

И вот ушел от нас день-старик:
мешок на спине, изможденный лик.

Бледно-зеленый закат в небесах
вселяет в сердца потаенный страх.

Испуганно съежились кочки и пни,
словно взывают к богу они.

Но злого шторма все громче глас:
«Не услышит он! Не услышит вас!»

И тучи слезы безмолвно льют,
и полнятся мглой, и на север идут.

Бесприютно в зябком краю земном!
Выходим мы в ночь и на север бредем.

Безмолвно и серо в краю земном!
Понутив головы, в ночь мы бредем.

Зимней ночью
(Vinternat)

Долго плыли дни.
Долго ночи шли.
Снова я теперь
Всматриваюсь в синь,
В белый плат полей.

Как и ныне я
В эту же метель,
Брошенный, бродил,
Без дорог блуждал
В эту же метель.

Время все растет.
Свод небесный пуст.
Под холодный свод
Трепет шлет земля,
Шлет земля свой стон.

Как и ныне, я
Прежде подбирал
Эти же слова,
Посылал во тьму
Этот же вопрос:

— Разве ты мертва,
Словно сена клок,
Бурею побит
В синей зимней мгле
На поле чужом?

Или ты жива,
Словно под землей
Корень в мерзлой тьме,
Что сырой весной
Выпустит цветок?

Конец пути
(Vejs Ende)

Снегопад закончился, небо стало глубоким, звездным. Меня окружали черные кусты, низкие деревья и маленькие теплицы. Я стоял на длинном газоне и смотрел, как мои следы тянутся по направлению к далекому входу.

Мне казалось: мне совсем немного лет, и чьи-то заботливые руки одели меня в теплую одежду и поставили сюда.

Рукой в варежке я счистил снег с одной теплицы, так что показалось окошко, и теперь я видел то замерзшие цветы за ним, то звезды, отражающиеся в стекле.

Из книги «Сенокос у моря»
(Højbjergning ved havet, 1923)

Звездная ночь
(Stjernenat)

Ночь зимняя огромна и сурова.
Любая звездочка сейчас — огонь сомненья.
Зеркало вечности — осколочек любой.

И в пустоте свое мы видим отраженье —
В сиянии лучей — теней убогих строй,
Из-под небес, зажженных холодом и ветром.

И жаждет холод жара нашей крови,
Забрать желает ветер нашу волю,
Душой наполниться — небесный свод пустой.

Из книги «Песни к весенней глубине»
(Sange mod Vaardybet, 1927)

Над затонувшими землями
(Over sunkne Lande)

Над затонувшими землями
множество дней мы плыли;
долго смотрели в зеленые
пенящиеся воды.

Вот мы вплываем под новое
небо с неистовым ветром,
которое осеняет
риффы с бурлящим прибоем.
Те рифы когда-то были
на затонувших землях
гордыми и высокими
кристалловенчанными пиками!

Над затонувшими землями —
наш корабль, украшен листвою.
Он плывет от цветущего берега,
весну везет он с собою.
Поглощенные морем люди!
Дети и звери в глубинах!
Мы приветствуем вас, проплывая
мимо — в нашем бездонном счастье!

Как бы нам хотелось, чтоб вы
увидели листья под ветром!
О, мертвые в темной пучине,
несчастные мутные взоры,
о, нежные юные руки, —
наше счастье настолько безбрежно —
в сердце вам всем хватит места!
Мы жаждем северных бурь,
белопенного водоворота
близ жутких коварных шхер!
И наше пьянящее счастье
довезем мы до края бездны —
чтобы стать ближе к вам!

Восход луны
(Maaneopgang)

Летят под тобой, текут над тобой,
спешат сквозь тебя
потоки бегучие вечного мрака!

Над кладбищем низко стоит луна.
Травинки и листья блестят в ночи.
Набухшие почки, цветы на кустах —
очертились под восходящим серпом,
бросают длинные четкие тени.

Большой незыблемый месяц из детства,
земной и небесный, легкий и веский —
зажегся вновь над твоей постелью.
Ах, если б сон твой прошел наутро!
А луна взойдет и канет опять,
и солнце будет, и день, и весна, —
а тебя окружает одна лишь тьма.

Летят под тобой, текут над тобой,
спешат сквозь тебя
потоки бегучие вечного мрака!

Радостное дерево
(Det glæde Træ)

В ночи я слышал дерева смех.
Еще лежал островами лед
на черной земле. Но звенел его смех:
сок поднимался из черной земли,
полнился воздух туманом весны.
Я видел, дерево, ты смеялось
и кроной тихонько трясло,
и весь суровый небесный свод,
и вся эта вечность в кристаллах льдов —
удивительно ласковы стали тогда.

Твой смех превратился в живую жизнь:
почки твои рождались в ту ночь.
Теперь эта ночь — трепещущий свет,
нет больше звезд на небе ночном,
один золотистый радостный блеск;
ты снова смеешься; пронзает тебя
небесный сверкающий северный свет,
и каждая жилка пылает в листе.

Мы ходим вокруг; расцветает весна.
Счастливое дерево, светишься ты.
И знаем мы, о ненастная ночь,
таишь ты в себе облегченье всех мук
и жарче всего обнимаешь тех,
кто в испуге бредет сквозь долину-Жизнь
и глубже всех чувствует: скоро он
уйдет в ледяную долину-Смерть.

Из книги «Звезды пробуждаются»
(Stjernerne vaagner, 1930)

Октябрьское утро
(Oktobermorgen)

Шторм умолк.
И хлопья пены
на черно-буром
зимнем море.

Льдисто-сини,
но венчаны светом,
горы стояли
в морозной дымке.

И мир лежал,
так дивно омытый
в золотой руде
рассветной мглы.

Будто радостной
дикой песнью
вспыхнул Мудрости
вечный огонь:

Сиял таким счастьем
тот лишь день,
что родился
из ночи и мук!

Сделай вдох:
может, холод и мгла
тебя пощадят,
испуганный ум!

Зимняя греза
(Vinter-Drøm)

Le soleil ni la mort ne se peuvent regarder fixement¹³.
La Rochefoucauld

Ночь ли за лихими облаками,
или рассвело?

¹³ «Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор» (фр.).

А у нас все тихо и огромно:
мы с тобой как будто бы мертвы,
в ледяном дыханье Севера застыли,
облеклись одеждами мороза.

Победил, кто Смерти присягнул!
Мы теперь сильны. Отныне бездна
ужасом не веет. И пространство —
как гостиная в родном дому,
вещи в ней уютны и привычны:
и луна и солнце — наши лампы,
Млечный путь — родимый потолок,
у алькова — шторы северных сияний.
Не светло ли здесь, не хорошо ли?
Не хотеть, не жаждать, не стремиться —
просто спать...

Да только мы мертвы.
И ни смеха больше, ни румянца —
только сон у вечности на лоне,
только сон в холодной белизне.
Все же спать здесь тихо и спокойно.
Победил, кто Смерти присягнул.

В волосах твоих усталыми звездами иней.
Чистый лоб твой смертно-белоснежен.
Грудь бела как зимние вершины.
Руки твои юные лежат
словно сумерки за горною грядой.
А твои закрытые глаза —
как снежинки на озерном льду под вечер.
Мы нашли покой, чтоб вечно спать,
победили, присягнувши Смерти.

.....
Но нет! Ворвись из мира к нам, буран!
Ты овей нас, ярость, мощью жизни!
Мы проснемся и пойдем по темной, стылой —
по земле — под взглядом строгих звезд!

В эту пору ожидания
(Ak, i disse Ventetider)

Ночью ветер, ночью звезды
над полоской горизонта,
и железное бряцанье,
и в ночном морозном блеске
крылья северных сияний.

Раздается звон из бездны,
он студен, как гром железа.
Где же свет и где же радость,
неужели дня не будет?
И душа живет мечтою расцвести еще хоть раз!

В эту пору ожидания
снится мне, как жажда жизни
яростно обуревают
тех, кто умер молодым.
Затрещат с мороза ели —
И как будто слышен ропот:
Где же день? Где тучи, солнце,
величавый час рассвета?

Перевод О. А. Маркеловой

Ключевые слова: Вильям Хайнесен, лирика 1920—1930-х гг., фарерская поэзия, датская поэзия.

Список литературы

- Маркелова О. А. Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания. Пушкино, 2006.
- Маркелова О. А. Стихотворения Кристиана Матраса // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2016. № 3 (48). С. 128—139.
- Brostrøm T. Himmel og hav. William Heinesens lyrik // Úthavsdagar. Oceaniske dage. Tórshavn, 2000. S. 12—34.
- Ellefsen A. William Heinesen i undervisningsøjemed // Tårnet midt i verden — en bog om William Heinesen / Ed. J. Kløvstad. Tórshavn: Nord, 1994. S. 153—163.
- Glyn Jones W. Towards Totality: The Poetry of William Heinesen // World Literature Today. A Literary Quarterly of the University of Oklahoma. 1988. Vol. 62. № 1. P. 79-82.
- Jákupsson B. William Heinesen som billedkunstner // Tårnet midt i verden — en bog om William Heinesen / Ed. J. Kløvstad. Tórshavn: Nord, 1994. S. 140—152.
- Isaksen J. Færøsk litteratur. Introduktion og punktnedslag. Vindrosen, 1993.

EARLY POETRY OF WILLIAM HEINESSEN

O. MARKELOVA

This publication consists of translations into Russian of early poems by the Faroese poet William Heinesen (1900–1991). These are poems from the books *The Arctic Elegies and Other Poems* (1921), *Harvest by the Sea* (1923), *Songs towards the Spring Deeps* (1927), *The Stars Awaken* (1930). The range of basic motifs does not differ greatly from one collection to another, but their interpretation changes with each new book. In the first two collections of poems, Heinesen's universum is desolate and only contains an extremely abstract poetic ego alongside natural phenomena. Gradually, his poetry acquires a social dimension. Heinesen consciously chose Danish as the language of his literary works. The form and content of his early poetry differed from those of his contemporaries who wrote in the Faroese language.

Keywords: William Heinesen, lyrical poetry of the 1920s and 1930s, Faroese poetry, Danish poetry.

References

- Brostrøm T., 2000. Himmel og hav. William Heinesens lyrik, in: *Úthavsdagar. Oceaniske dage*. Tórshavn, 2000, 12–34.
- Ellefsen A., 1994. William Heinesen i undervisningsojemed, in: *Tårnet midt i verden — en bog om William Heinesen*. Tórshavn, 153–163.
- Glyn Jones W., 1988. Towards Totality: The Poetry of William Heinesen, in: *World Literature Today. A Literary Quarterly of the University of Oklahoma*. Vol. 62. № 1. 1988, 79–82.
- Jákupsson B., 1994. William Heinesen som billedkunstner, in: *Tårnet midt i verden — en bog om William Heinesen*, Tórshavn, 140–152.
- Isaksen J., *Færøsk litteratur. Introduktion og punktnedslag*. Vindrosen, 1993.
- Markelova O. A., *Stanovlenie literatury Færøskikh ostrovov i formirovanie færøskogo natsional'nogo samosoznaniia*. Pushkino, 2006.
- Markelova O. A., Stikhotvoreniia Kristiana Mátrasa, in: *Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya*, 2016, № 3, 128–139.